

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ СЕВЕРНЫЙ ОГОНЕК

Октябрь-74

„ПОРТРЕТ РАБОЧЕГО ЧЕЛОВЕКА“

НОЧЬЮ над Федоровкой прошел дождь, а утром подул сильный северо-восточный ветер. Гудит и стоит тайга, падают деревья, норovia угодить в жылые балки и вигоны. Отполыхали в бушном пожаре югорские рабыны и черемуха.

— Опять вертолета нет, — с сожалением говорит мастер бригады Владимир Иванович Коренной, — вчера бурйльщкн на смену не прилетели. Говорят, двигатель выработал ресурс. Вахте пришлось работать больше суток. И вот сегодня тонке...

Вертолет вынырнул из за горизонта и, с трудом удерживая курс, медленно пошел на посадку.

— Молодцы, вертолетчики! Выручили, — обрадовался Владимир Иванович, — не каждый может по такой погоде...

Вахта бурйльщкн Марса Гизатулина вышла из вертолета, чертыхаясь на непогоду. А ветер хватал их ва широль одежды, толкал в широные спины, норovia опрокинуть. Ребята, налегая грудью на ветер, зашагали к буровой.

Несмотря на кажущуюся молодость, за плечами Марса Гизатулина долгий трудовой путь, нелегкая судьба человека, хлебнувшего полной мерой горечь и лишения послевоенных лет. Мать своим здоровьем оплатила и смерть мужа, погибшего на фронте, и воспитание сына, ставшегося младшим на ее руках.

Минувши тяжелые годы восстановления — разрушенных городов и сел, запущенных хозяйств и предприятий. Лишняя доля неизмеримого ничем труда легла на плечи подрастающего поколения.

Семнадцатилетним подростком Марс встал на первую трудовую вахту. Руки быстро загрубели в мосолах. Планада мать, жалел сына, а он отшучивал ноющие руки в жестяную банку с теплой водой и успокаивал ее.

Приобретенный в детстве

**Александр
Сизов**

ЗА ЦВЕТЫ И ХЛЕБ

Черный хлеб, рабочая усталость,
Мед и горечь желтого цветка —
Все вошло в меня и отстоялось
На года, наверно, на века.
Тишина пожарнич и покосов...
Колосок, оставленный в стерне,
Дрожа его прозрачная под обсеб
Вся насквозь передалась и мне.
Чтоб не мог я выносить запах
Всех заглохших пустырей и рав,
Чтоб остался сам перед собою
До предела искренен и прям,

Юрий Ланин
**ВЫХОДИ,
НЕФТЬ!**

Трудовой навык помогал ему легко усваивать уроки, передаваемые «старейшими-наставниками». Весенний обит тех, кто может самостоятельно подобрать технологический режим бурения, нагрузку на долото, параметры работы насоса, быстро принять правильное решение в сложной аварийной обстановке, произвести четко спуско-подъемные операции, без ошибок оперировать пультом управления автоматического бурового ключа.

От каждой операции, от сдвинутости вахты зависит скорость проходки, безопасность в работе, хорошее настроение. И не случайно у вахты Гизатулина лучшие показатели.

Прошли годы. Марс стал высококвалифицированным бурйльщком. Сколько скважин пробурено в Татарии, сколько в Сургуте, сказать он не может, не подсчитывал. Да это и ни к чему. Главная его задача сейчас — скоростная проходка горных пород. Ему и его товарищам очень хочется прибавлять

ГУДИТ буровая, одеваясь на ночь в спящий ореол огня, а рядом черным факелом с жареным всполохамн дышит ослепленные скважины. Уже смонтирована «гребенка», через которую пойдет в общий поток высококалорийная югорская нефть, выход которой открывают такие люди, как Марс Гизатулин.

Чтобы хлеб растал в гиний слухал,
И надела мушкетера бм ног,
Как пролет от ветра и от стуж
Позабитый в поле холмов.
Чтобы мог я, полонясь на совесть,
Той земле, где вырос и окреп,
По-крестьянски поклониться в покл
За цветы ее в черном хлебе.

**Нина
Заболотнева**
**И АХНЕТ
СЕРДЦЕ**

В часы тревоге, раздумий,
сожалений

Сегодня «Северный огонек» публикует последние материалы, присланные на конкурс «Портрет рабочего человека». Как уже сообщалось, конкурс был посвящен сорокалетию газеты «К победе коммунизма», исполняющемуся 23 октября. Через несколько дней жюри назовет победителей и вручит им премии. А пока вниманию читателей предлагаются последние конкурсные материалы — о нефтяниках и буровиках, строителях и монтажниках, о людях Сургута, преобразующих суровый край. Отзывы и замечания о материалах просим присылать в редакцию газеты.

день, когда бригада Коренного сможет рапортовать о досрочном выполнении плана девятой пятилетки.

— Каждая новая скважина, начавшая фонтанировать, — для нас маленький праздник, — говорят буровики.

— Нам приходится не только бурить. После каждой пробуренной скважины или куста перебираемся на новое рабочее место, пересаживаем жылые вагоны, столовую, буровой инструмент, — говорит Гизатулин. — Обратите внимание на сводни. На буренне уходит всего 20—30 процентов общего времени.

Пришла суровая северная зима. Медленно идет освоение буровых, выполненных по новому проекту, предусматривающему у тепление рабочих мест буровиков. А пока буровые раздеты, как и мы, у Коренного. И тискает буровика в своих объятиях жгучий мороз, и клещут резиновые метели, а он с забронзовевшим лицом, покрашенный натеом, колдует над механизмами из побледневшего напряженного металла.

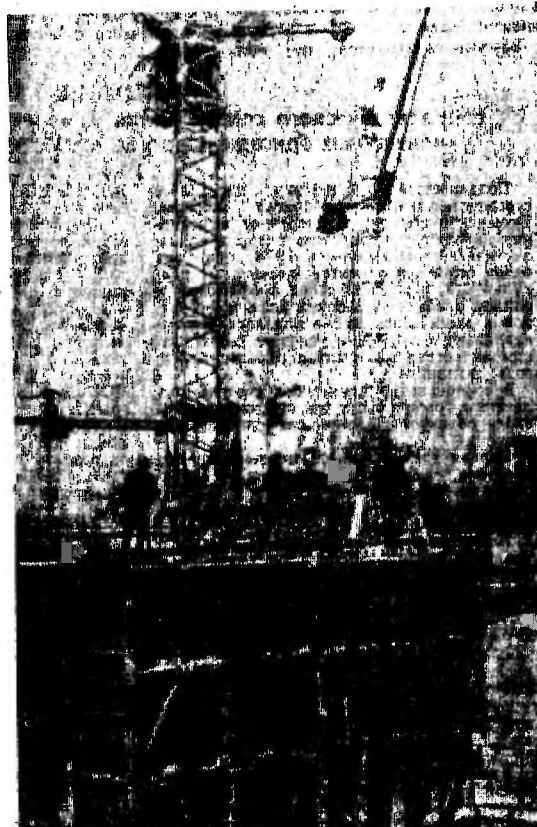
СУ-904 отсыпает на месторождении дорогу. Осталось совсем немного, и затерявшийся в тайге остров соединится с большой землей — Сургутом.

— Следующим летом будем каждый день домой ездить, — с надеждой говорит рабочий. — Не будем зависеть от метеусловий, двигателя, отработавших свой моторесурс...

— Разрешится вопрос ослабления инструментами и материалами, — говорит Гизатулин.

— Да и вышколмонтажники будут вести монтаж быстрее к качественнее, — подержал его Владимир Иванович Коренной.

ИЗ СНИМКОВ, ПРИСЛАННЫХ НА КОНКУРС

«МОНТАЖНИКИ»
Фото Ю. МОРОЗОВА.

Остановись, прохожий, хоть
на мне
У трепетной березки
пожелтелой,
Прохладный ствол руками
обними.
И вяжёт осень мудрыми
глазами
Отпыхавших заревом рябин,
Заворожит брусничными
кварами
В узоре древних ледяных
сводн.
И даже небо на верхушки
восен,
Усталое, приляжет
отдохнуть,

И боль на порыжелых спинах
просек
Успевт нежно дождь грибной
слизнуть
И унести ошибки пережитого
К живой воде таежного ручья.
И охнет сердце, вдруг
насквозь пробитое
Простым и сложным смыслом
взгляда.
Как в кузнице всего людского
рода,
В огне расцветных зорь из
века а век
Куёт сердца бессмертная
природа —
Ее Величество Рабочий
Человек!

**Лариса
Смольникова**

Город встанет,
И мы уедем
По дороге,
Проложенной нами,
Чтобы где-то
В заснеженной дали
Вновь себя утверждать
Делами.
Может, будет все
Точно так же:
И тайга и болот
Дурман,
Кто-то снова падет
За нами,
Удивляясь нашим
Делам.